

К.В. ШЕВЧЕНКО

(Филиал Российского государственного
социального университета в г. Минске, Беларусь)

**«ХИТЕР НАШ ПОЛЕШУК!».
РУССКАЯ ПРЕССА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ
В СОСТАВЕ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ
КАК ИНДИКАТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Abstract:

Shevchenko K.V. *«Our Poleshuk is cunning!» Russian press of the Belarusian Polesse region in interwar Poland as an indicator of ethnic identity*

The article explores the publications of the Russian-language press of Polesse region, including the newspaper «Pod nebom Polesja» («Under the sky of Polesse»), which was published in Russian in 1931–1932 in Pinsk, part of the Polesse province of interwar Poland. Publications of the Russian press advocated a Common Russian identity and promoted Russian culture, while considering Russians, Belorussians and Ukrainians to be parts of a single nation in accordance with the triune Russian people theory. Those publications were unacceptable for the Polish authorities, which were following the policy of total polonisation of the Belorussian population of the Eastern provinces. Using administrative resources, the local Polish authorities managed to eliminate the newspaper in early 1932.

Ключевые слова: общерусская идентичность, колонизация, Полесье, Пинск, этнокультурная инженерия.

Широкое распространение общерусской идентичности в этнически непольских восточных воеводствах межвоенной Польши, населенных в основном восточнославянскими народами, были вынуждены неоднократно признавать польские власти, вопреки официальной трактовке данных областей как исконно польских. В подготовленной в 1930 г. чиновниками управления Полесского воеводства в Бресте аналитической записке о деятельности Русского национального объединения констатировалось, что «русский этнический элемент в Полесье составляет не более 1% населения, не превышая 12.000 человек, в основном из числа интеллигенции. Однако, несмотря на незначительную численность этнических русских, русское влияние на территории Полесья выглядит довольно сильным, — признавалось в документе. — Это является результатом действия ряда причин, в основном длительной и системной русификации населения Полесья царскими властями, а также русификаторской деятельности православного духовенства»¹. Авторы данной записки отмечали, что политическая деятельность Русского национального объединения в Полесье активизировалась перед выборами в Сейм в 1928 г., при этом русская аги-

тация, «поддержанная православным духовенством, добилась серьезного успеха, выразившись в завоевании мандата в пинском избирательном округе»².

Ярким проявлением общерусской идентичности в межвоенной Польше была русскоязычная пресса, издававшаяся в крупных городах этнически непольских восточных воеводств Второй Речи Посполитой, прежде всего в Вильно, а также во Львове, где, несмотря на массовые репрессии австро-венгерских властей против галицко-русского движения, сохранялись очаги русской культурной и общественной жизни. На характер публикаций русской прессы в межвоенной Польше накладывали отпечаток внутривойсковые и внешнеполитические реалии, диктовавшие определенную степень самоцензуры и конформизма.

Однако, делая неизбежные реверансы с учетом международного положения, внутривойсковой ситуации и господствующей в Польше идеологической доктрины, русская пресса в целом стояла на позициях общерусского единства и пропаганды русского культурного наследия, что было неприемлемо для польской администрации, стремившейся к тотальной полонизации непольского населения восточных воеводств Второй Речи Посполитой.

Важным инструментом борьбы официальной Варшавы с общерусской идентичностью населения западнобелорусских земель были преследования и дискриминация русской прессы, включая административные препоны и прямые запреты на распространение некоторых изданий в Польше. Так, 23 августа 1937 г. управление Полесского воеводства информировало старост всех поватов данного воеводства о решении министерства внутренних дел Польши запретить подписку на издававшуюся в г. Ужгород (Чехословакия) «Русскую народную газету», а также на «Евразийскую хронику», издававшуюся на русском языке в Берлине. В документе туманно объяснялось, что запрет на распространение данных изданий связан с тем, что «их содержание обнаруживает признаки преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе»³. Ранее был введен запрет на ряд газет, журналов и книг, изданных в СССР.

Крайне подозрительный и дискриминационный подход польские власти демонстрировали в отношении периодических изданий на русском языке в восточных воеводствах Польши, опасаясь их нежелательного для Варшавы влияния на местное белорусское население. Издание прессы на русском языке на территории этнически непольских восточных воеводств постоянно привлекало пристальное внимание польской администрации вплоть до высших государственных чиновников, бдительно следивших за содержанием русскоязычных изданий на предмет их соответствия государственным интересам Польши.

Ярким примером подобного отношения польской администрации к русской прессе являлась попытка активиста русского движения в г. Пинск Полесского воеводства П. Хинича начать издание русскоязычной газеты «Под небом Полесья». Официальная декларация Хинича о намерении издавать подобную газету была направлена старосте Пинского повета Полесского воеводства 12 октября 1931 г. В документе указывалось, что газета будет содержать информацию экономического, общественного и культурного характера, что издание будет стоять на почве польской государственности и что местом издания будет г. Пинск, улица Пилсудского, 17⁴.

Сразу после получения данной декларации староста Пинского повета В. Болдок направил 14 октября 1931 г. полесскому воеводе В. Костек-Бернацкому конфиденциальное донесение, в котором характеризовал редактора будущей газеты П. Хинича как активиста русских организаций, принимавшего участие в выборах в сейм в 1928 и 1930 гг. и как корреспондента русской виленской газеты «Наше время». Особое внимание староста обращал на стремление Хинича расширить свое влияние на местное сельское население. По словам старосты, свою агитацию среди населения Хинич проводит «в национально русском духе»⁵.

В следующем донесении полесскому воеводе от 28 октября 1931 г. пинский староста сообщал о том, что первоначально он не препятствовал Хиничу в организации его издания, поскольку это, по словам старосты, могло бы создать впечатление у местного русского общества об административном преследовании русской национальной жизни со стороны польского правительства, тем более, что Хинич декларировал намерение стоять на почве польской государственности. «По этим соображениям я принял решение, не препятствуя появлению газеты со стороны властей, уничтожить её путем деструктивных мер... и тем самым навсегда парализовать её существование в будущем»⁶, — откровенно делился своими планами пинский староста.

Содержание первых номеров газеты «Под небом Полесья» не могло не вызвать сильнеешего раздражения польской администрации. Так, в статье о населении г. Пинска указывалось, что из 30470 жителей города 19597 составляют евреи, 7249 — поляки, остальные — русские, к числу которых газета отнесла «белоруссов, украинцев и великоруссов»⁷.

Таким образом, белорусы и украинцы в духе западнорусизма трактовались газетой как составная часть единого русского народа, что было неприемлемо для польских властей. Озабоченность местной польской администрации, судя по всему, вызвало и опубликованное на страницах газеты сообщение её редакции о том, что успех издания «превзошел все наши ожидания... В первый же день мы приобрели весьма значительное число подписчиков. В редакцию нашу ежедневно поступают приветственные и сочувственные письма...»⁸.

Второй номер газеты в рубрике «Из польской печати» знакомил читателей с содержанием публикаций польской прессы о положении в восточных воеводствах Польши. По словам газеты, краковское издание «Иллюстрированы Курьер Цодженны» в одной из своих публикаций «горько жалуется, что русские переполняют учительские должности в польских школах на Восточных Кресах, и поэтому призывает живые силы польского общества и молодых учителей идти работать на Восток — туда, — иронично отмечал автор этого материала в газете «Под небом Полесья», — где, по его словам (краковского издания. — *К. Ш.*), дикое московское хозяйничанье, насилия Муравьева и большевизм уничтожили приобретения целых польских поколений»⁹. Редакция «Под небом Полесья» предпочла благоразумно воздержаться от прямой полемики с польскими изданиями, однако содержание польских публикаций излагалось на страницах газеты с нескрываемой иронией.

Крайне раздражающей для польских властей стала статья о предстоящей в Польше переписи населения, опубликованная в третьем номере газеты. Констатируя, что «для нас, русских, предстоящая 9 декабря сего года всеобщая перепись населения ... будет иметь огромное значение», газета самокритично замечала, что «русские теперь, при польской власти, являются гораздо менее устойчивыми национально, чем были поляки даже в самую тяжелую для них пору национальных и религиозных преследований»¹⁰. В связи с этим газета призывала своих читателей указывать в ходе переписи в качестве родного только русский язык: «Пусть же каждый русский знает и помнит, что указания агентам по переписи языка русского (*rosyjskiego*) как родного не является чем-то маловажным, а исполнением долга перед лицом национальных и культурных интересов русского меньшинства в Польской республике»¹¹.

Борьба за сохранение русской культуры и общерусской идентичности была центральной темой газеты. В статье «О самом больном» редакция газеты обращалась к актуальной и болезненной теме растущей колонизации русского населения в Польше. «Как это ни печально, но даже там, где не исключена возможность воспитания по своему усмотрению, в среде состоятельных, имущих русских, нередко польский язык и польская книга доминирует в ущерб русской, — отмечала газета и, обращаясь к родителям, призывала, — изучение и знание польского языка не должно вести к забвению своего родного языка — русского... Не забывайте, что, теряя русскую речь, ваши дети одновременно с этим теряют свою национальность»¹².

Редакция газеты «Под небом Полесья» стремилась всячески популяризировать русские культурно-просветительские проекты в Польше. Так, в четвертом номере подробно сообщалось об открытии при отделе

Русского благотворительного общества (РБО) в г. Барановичи русской начальной школы, а также курсов русского языка при ковельском отделе Русского благотворительного общества. При этом редакция выражала надежду, что и «пинский отдел РБО, являясь представителем местной русской общественности, не останется в долгу и употребит все усилия для создания какого-либо русского очага, откуда бы подрастающее поколение наше могло бы черпать силы...»¹³.

Судя по публикациям газеты «Под небом Полесья», русские культурные мероприятия пользовались большой популярностью среди жителей Пинска. «Кружком русской молодежи города Пинска устроен был 6. XI. в театре бр. Гольцман благотворительный концерт-вечер. В программу вечера вошли: оперетка «Иванов Павел»..., затем хор балалаечников и публичное выступление пинских поэтов. Кроме того — танцы до утра, — сообщала газета 15 ноября 1931 г. — С художественной и материальной стороны вечер вполне удался и привлек много публики, среди которой были представители польского общества, а также немало еврейской молодежи»¹⁴.

Большое место на страницах «Под небом Полесья» уделялось критике русской интеллигенции в межвоенной Польше. Среди многочисленных грехов русской интеллигенции газета отмечала «отсутствие русского патриотизма, самооплевание, неумение ценить великие достижения русской культуры, равнодушие к своей святой Вере... Но самым тяжелым грехом ее надлежит признать неумение в тяжелых условиях жизни на чужбине, в рассеянии, сохранить свое национальное русское лицо»¹⁵.

Анализируя положение русского населения в межвоенной Польше, газета проводила любопытные параллели с германизацией чехов в Габсбургской монархии и с полонизацией западнорусской шляхты в Речи Посполитой после Брестской церковной унии 1596 г. «Чешское возрождение начала 19 века было затруднено тем, что чехи фактически не имели интеллигенции: она вся после Белой Горы онемечилась. То же относится к литовской и русской шляхте, после Брестской унии совершенно опоячавшейся... Теперь мы являемся свидетелями аналогичного явления, — констатировала газета, — наши русские богачи, как у нас на Полесьи, так и везде в Польше — стесняются своей родной речи, зачастую отвечают по-польски своим же русским..., не говоря уже о том, что не только пальцем о палец не ударят, чтобы помочь немногочисленным самоотверженным русским общественным деятелям в тяжелой, жертвенной национально-русской работе, но живут вдали от живого биения пульса русской жизни и предпочитают польскую среду и польское общество — обществу русскому. Такая позиция нашей имущей интеллигенции является подлинным предательством по отношению к русскому делу...»¹⁶.

Подготовка к проведению очередной переписи населения в Польше в декабре 1931 г. актуализировала интерес редакции к механизму проведения переписей и к этнонациональной политике польских властей на территории Полесья в целом. Особое внимание уделялось феномену новых национальностей «полешуков» и «тутэйших», обнаруженных предыдущими польскими переписями в Полесском воеводстве. По ироничному замечанию газеты, о существовании подобных народностей ранее «не догадывались историки и этнографы ни польские, ни русские»¹⁷.

Так, по данным переписи населения, проведенной польской администрацией в 1919 г. в подконтрольных ей белорусско-литовских областях, на территории Полесья было зафиксировано 116 965 тех, кто заявил о себе как о «тутэйших»; при этом на территории Виленского воеводства их число составило 37089, а на территории Минщины — 37 927¹⁸.

Примечательно, что явление «тутэйших» и «полешуков» было характерно в основном для сельской местности; в крупных городах перепись таких не зафиксировала. Последующие переписи населения в Польше указывали на постоянный рост «полешуков» и «тутэйших» на территории Полесья. По данным переписи 1931 г., число «полешуков» на территории Полесского воеводства составило уже 710 870 человек или 63,1% от общей численности населения Полесского воеводства¹⁹.

В отличие от польских чиновников, объяснявших появление «полешуков» и «тутэйших» низкой степенью национального самосознания местного славянского населения Полесья, не способного отнести себя к какой-либо из общепризнанных национальностей, редакция газеты «Под небом Полесья» усматривала главную причину данного явления в текущих политических факторах и в этнокультурной политике властей. По словам издания, в ходе переписи население часто не могло или по каким-либо причинам не желало причислить себя к известным национальностям. В ответ на вопрос о национальной принадлежности местные жители часто отвечали, что в составе России «они были русские; перешли под Польшу, стало быть, стали польские»; при этом счетные комиссары в данном случае охотно указывали польскую национальность²⁰.

Газета обоснованно подчеркивала, что «большую роль в этом “самоопределении” сыграли переписчики своими наводящими вопросами, своей субъективной пристрастностью к известной народности». Тем самым издание давало понять, что официальная численность поляков на территории Полесья искусственно завышена за счет местного непольского населения. Комментируя широко распространенное нежелание местного населения отнести себя к общепринятым национальностям и самоопределение его значительной части как «тутэйших» или «полешуков», газета не без иронии замечала: «Хитер наш полешук! Исторические условия

заставили его таким быть. Скажи, что русский, подумают: а, мы большевики! Время-то было — 1921 год, память о товарищах была очень свежа и еще недавно действовали на Полесьи “карные” военные отряды... Население Полесья во время первой переписи не открыло полностью своего настоящего национального обличья, выявило очень слабое национальное самосознание и показало, что оно так или иначе хитрит по тем или иным причинам. ...Об интеллигенции можно сказать то же самое. Иные записывали себя не так, как говорило их внутреннее национальное чувство, отчасти и страха ради, отчасти и оттого, как иные говорили: “стыдно быть русским после всего, что произошло, Русь осрамилась”²¹. Намекая на далекую от идеальной национальную политику Варшавы, газета заключала: «Перепись даст только тогда верные сведения о национальностях, если все народности будут уверены, что они равноправны и им нечего бояться...»²².

Примечательно, что критика переписей населения в полесском регионе межвоенной Польши, озвученная на страницах «Под небом Полесья», разделяется и авторитетными польскими историками. Так, Е. Томашевский отмечал, что перепись 1921 г. была отмечена рядом недостатков и фальсификаций; «национальную принадлежность той многочисленной части населения Полесья, которая не могла сама определить свою национальность, определяли в основном сами счетные комиссары. Частым явлением были факты, когда национальная принадлежность людей определялась не ими самими, а другими лицами. Кроме того, известны факты, когда сами счетчики были малограмотными...»²³.

Судя по всему, польские власти по тактическим соображениям были заинтересованы в поддержке «полесской» идентичности, так как это могло быть использовано как инструмент для противодействия распространению у населения Полесья русской, белорусской или украинской идентичности. Примечательно, что в подготовленной одним из чиновников управления Полесского воеводства аналитической записке о национальных группах на территории Полесья в 1931 г. говорилось, что «население Полесья, ведущее свое происхождение от древлян, не имеет ничего общего с племенами, положившими начало русскому или украинскому народу... Археологические и антропологические исследования показали, что физический тип древних обитателей Полесья и современных полешуков серьезно отличается от типов русского и украинца. Наконец, язык современных полешуков содержит многочисленные особенности, чуждые русскому, украинскому и белорусскому языкам, и не может считаться диалектом этих языков. По отношению к украинскому и белорусскому языкам он может быть признан равноправным с этими языками»²⁴.

Таким образом, некоторые польские чиновники, по сути, выступали сторонниками и даже идеологами существования отдельного полесского народа, отличного от русских, белорусов и украинцев.

Подобные мысли не ограничивались лишь сферой абстрактного теоретизирования, имея вполне конкретное практическое воплощение. Так, 26 ноября 1926 г. орган Русской народной организации в межвоенной Польше львовский еженедельник «Русский голос» в статье «По случаю полесизации» сообщал об издании в Пинске газеты «на чистейшем полесском языке». По словам газеты, «уездный сеймик в Пинске... открыл «древнюю нацию — народ полесский». И не только открыл, но стал даже издавать специальную газету для этого до сих пор пребывающего в неизвестности «народа», — с иронией сообщал «Русский голос». — Факт, говорящий сам за себя! По-видимому, примеры Австро-Венгрии слишком еще стоят перед глазами польского правительства»²⁵. Поддерживаемый местной польской администрацией «полесский проект» в виде издания газеты на полесском диалекте «Русский голос» расценил как очередную попытку подорвать общерусский «национальный организм» и «вытравить в русском народе его национальное сознание, сознание его великой культуры — его русскость»²⁶.

Попытки польских властей издавать прессу на местном полесском диалекте, призванную содействовать становлению особой местной идентичности и одновременно распространять идеи лояльности к Польше, имели место и позднее. В 1928 г. в Пинске при поддержке местной администрации издавался еженедельник «Наша земля», который ставил своей задачей в условиях предвыборной кампании в сейм «освещать жизнь малоземельных крестьян» и разъяснять тем крестьянам, которые не могли читать по-польски, «что делается в стране»²⁷.

Примечательно, что статьи в этой газете печатались как на полесском диалекте с использованием польской лексики, так и на литературном русском языке; при этом наиболее важные в пропагандистском отношении материалы редакция предпочитала публиковать именно на русском литературном языке. Тем самым редакторы проправительственного издания фактически признавали широкую распространенность русской культуры и языка для местного населения.

В содержательном отношении «Наша земля» являлась агитационным инструментом пилсудчиков, призванным повлиять на итоги выборов в сейм в данной части Полесья. «Будущее среднего и мелкого крестьянина — в сильном, демократическом государстве, установленном Маршалком Пилсудским»²⁸, — подчеркивала «Наша земля» 19 января 1928 г. Объясняя жителям Полесья коварные козни окружавших Польшу враждебных государств, газета констатировала: «С момента заключения мира

в Риге большевики приступили к пробуждению национализма белорусов и украинцев, направляя его острие против Польши. Россия и немцы стараются осуществить свои враждебные планы во время выборов. Для воздействия на селян украинских и белорусских плывут широким корытом гроши из Москвы и Берлина... Крестьяне и интеллигенция польская, белорусская и украинская должны объединиться с Беспартийным Блоком сотрудничества с правительством, чтобы изменить жизнь к лучшему... Все как один пойдем за Ним, за Маршалком Иосифом Пилсудским!»²⁹. Следующий номер газеты также являлся предвыборной агиткой. «Приближается момент выборов в Сейм... Должны ли мы слышать голоса коммунистов, сельроба или белорусской громады, которые за советские доллары принесли нам беду в тихую и спокойную полесскую деревню?»³⁰, — писала «Наша земля» 29 января 1928 г., одновременно призывая всех полешуков «голосовать за список № 1 Беспартийного Блока сотрудничества с правительством Маршала Пилсудского... Долой фальшь и обман! Да здравствует Маршалек Пилсудский!»³¹.

Однако, несмотря на столь напористую пропаганду, «фальшь и обман» прагматичный местный житель скорее усматривал именно в проправительственных публикациях «Нашей земли», что являлось следствием печальных социально-экономических реалий межвоенного Полесья. Как отмечал Е. Томашевский, «на протяжении 18 лет польского правления в полесском регионе положение населения ухудшилось... Неудивительно, что на Полесье возникла поговорка "як прыйшли поляки, не стало хлеба и табаки"... В рамках польского государства Полесье имело характер колониальной территории»³².

Проявления этнокультурной инженерии со стороны польских властей были многообразны, не ограничиваясь только Полесьем. Так, в 1930-е годы на территории русинской Лемковщины в Западной Галиции польская администрация поддерживала этнокультурный проект, направленный на формирование особой лемковской идентичности у местного русинского населения, тем самым препятствуя распространению на Лемковщине русской или украинской идентичности³³. Конечной целью подобной политики была этнокультурная фрагментация восточнославянского населения восточных провинций межвоенной Польши, призванная создать условия для его последующей полонизации.

Публикации газеты «Под небом Полесья» явно противоречили политике Варшавы в данном регионе, вызывая нарастающее раздражение местной администрации. Пинский староста приложил все усилия для того, чтобы сдержать свое обещание полесскому воеводе уничтожить газету «Под небом Полесья» путем деструктивных административных мер. Уже в четвертом номере издания редакция сообщала читателям о том, что «наша

газета печатается уже не в Пинске... Все местные владельцы типографий как по щучьему велению отказались печатать ее у себя...»³⁴.

В результате синхронного отказа пинских типографий печатать газету несколько ее номеров вышли в белорусской типографии имени Скорины в Вильно, что было сразу замечено местными структурами безопасности. В своем донесении полесскому воеводе 18 ноября 1931 г. отдел безопасности управления Виленского воеводства отмечал «пророссийскую направленность» издателей газеты «Под небом Полесья», которая выразилась в том, что белорусы, украинцы и великорусы трактуются как части единого русского народа. «Подобную позицию, — отмечалось в донесении, — занимает и виленская газета «Наше время», которая утверждает, что языки белорусский и украинский находятся в таком отношении к русскому языку, как мазурский язык к языку польскому»³⁵.

В начале 1932 год польской администрации удалось блокировать издание неудобной для них газеты. Уже в первом номере «Под небом Полесья» за 1932 год редакция, намекая на резко усложнившиеся условия, сообщала своим читателям о переносе печатания газеты в другую типографию и связанной с этим задержке издания. Со второго номера «по независящим от редакции причинам» газета стала выходить непериодически³⁶, и, наконец, ее издание было прекращено.

В одном из последних номеров «Под небом Полесья» было опубликовано обращение редакции к читателям, ставшее «лебединой песней» данного издания. «К тебе, народ наш русский, православный, многострадального Полесья крестьянин и рабочий, мы обращаемся! ...Помни, что ты — русский! ...Ты — носитель славного русского имени! Ты — говорящий на русском языке, одном из величайших языков славянских. Ты — православный, последователь древнейшей Восточной Церкви...»³⁷.

В конце обращения редакция газеты, демонстрируя свою лояльность к государству, напоминала читателям о необходимости быть верным Польской Республике и честно исполнять все ее законы. Однако демонстрация лояльности не могла ничего изменить, поскольку судьба данного издания была решена заранее.

В конце 1932 г. в Пинске представителем местной русской общины Н. Березницким была предпринята попытка издания русской церковно-общественной газеты «Пинский голос». Первоначально планировалось издание «Пинского голоса» ежедневно, однако полесский воевода запретил выпуск газеты как ежедневника, ссылаясь на нежелательность подобного печатного органа в силу местных обстоятельств³⁸.

Примечательно, что, как и в случае с газетой «Под небом Полесья», владельцы пинских типографий как по команде отказались печатать «Пинский голос», объясняя это «независящими от них обстоятельствами»³⁹.

В итоге выпуск данной газеты, стремившейся «объединить всех русских людей на Полесьи и стать для них доступным печатным органом»⁴⁰, был прекращен из-за противодействия местной польской администрации. При этом «Пинский голос» успел получить архиепископское благословение архиепископа Полесского и Пинского Александра, который охарактеризовал издание данной газеты как «доброе культурное дело» и рекомендовал духовенству «поддержать газету подпиской»⁴¹.

Этот скромный издательский проект в провинциальном городке Полесского воеводства стал предметом обсуждения в политических верхах Второй Речи Посполитой. В своем конфиденциальном донесении министру внутренних дел в Варшаву 4 ноября 1932 г. полесский воевода В. Костек-Бернацки указывал, что издатель «Пинского голоса» Березницкий является убежденным русским монархистом и видным представителем русской колонии в Пинске, «проводящей на данной территории вредную русификаторскую деятельность. Данная колония, — предостерегал полесский воевода, — считает Полесье исконно русским, а местное население — частью великорусского народа. В этом духе работа ведется уже ряд лет, давая со временем плоды, как, например, в случае с завоеванием в 1928 г. единственного в Польше русского мандата в Сейм в избирательном округе Пинск»⁴². Учитывая «опасность русификаторской акции среди несознательного в национальном отношении местного населения, — указывал полесский воевода, — я запретил Березницкому издание русской газеты в Пинске...»⁴³.

Издание газет на русском языке в восточных воеводствах Польши и их популярность среди местного населения вызывали обеспокоенность польской общественности и прессы. Издававшаяся в Полесском воеводстве польская газета «Экспресс полесски» с неудовольствием констатировала, что «хотя на Полесьи нет русских, тут выходят издания на русском языке»⁴⁴.

В ответ на попытки издания газет на русском языке польская администрация Полесского воеводства во второй половине 1930-х годов выступила с идеей издания популярной «Полесской газеты» на польском языке для местного крестьянства, объясняя это как необходимостью распространения информации экономического характера, так и политическими соображениями. Представитель Полесского воеводства С. Беневски в своем обращении в министерство сельского хозяйства указывал, что при наличии «подходящей газеты» местного полешука «можно относительно легко полонизировать»⁴⁵, добавляя, что подобная газета должна иметь популярный характер и отражать специфические проблемы Полесья, так как «варшавские издания не отвечают запросам полесского крестьянина»⁴⁶.

Таким образом, общерусское самосознание значительной части населения восточных воеводств межвоенной Польши находило свое выражение в местной русскоязычной прессе, идейная направленность которой, несмотря на декларируемую лояльность Варшаве, являлась неприемлемой для польских властей, поскольку отстаивала идею общерусского единства. Ареал распространения русской прессы, пропагандировавшей русскую культуру и поддерживавшей общерусскую идентичность, охватывал не только такие традиционные крупные центры русской культурной жизни как Вильно и Львов, но и небольшие провинциальные города восточных воеводств, ярким примером чему являлся Пинск. Обоснованно опасаясь растущего влияния русской прессы на восточнославянское население восточных провинций Второй Речи Посполитой, местные польские власти активно использовали административные рычаги для удушения и ликвидации неугодных им русских изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Брестской области (далее — ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 136. Л. 49.

² Там же.

³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 879. Л. 37.

⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесье. Пинск, 8 ноября 1931 г. № 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Под небом Полесья. 15 ноября 1931 г. № 3.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Под небом Полесья. 22 ноября 1931 г. № 4.

¹⁴ Под небом Полесья. 15 ноября 1931 г. № 3.

¹⁵ Под небом Полесья. 6 декабря 1931 г. № 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Под небом Полесья. 13 декабря 1931 г. № 7.

¹⁸ Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919). Lwów–Warszawa, 1920. S. 31.

¹⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1658. Л. 40.

²⁰ Под небом Полесья. 13 декабря 1931 г. № 7.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Tomaszewski J. Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. S. 20–21.

- ²⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661. Л. 60.
- ²⁵ Русский голос. Орган Русской народной организации. Львов, 26 ноября 1925 г. № 136.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Наша земля. Безпартийна газета нидельня. 19 стычня 1928 г. № 10.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Наша земля. 29 стычня 1928 г. № 11.
- ³¹ Там же.
- ³² *Tomaszewski J.* Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. S. 178, 196.
- ³³ *Shevchenko K.* Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus // *Český lid. Etnologický časopis.* 2010. № 4. P. 391.
- ³⁴ Под небом Полесья. 22 ноября 1931 г. № 4.
- ³⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939. Л. 30.
- ³⁶ Под небом Полесья. 7 февраля 1932 г. № 2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Пинский голос. Еженедельный церковно-общественный орган. 11 декабря 1932 г. № 1.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 940. Л. 35.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Expres Poleski.* 13.10.1932. № 294.
- ⁴⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 968. Л. 161.
- ⁴⁶ Там же.